

КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современный мир, именуемый постиндустриальным, глобальным (точнее – глокальным), информационным обществом, выступает онтическим основанием права. Для юридической науки принципиально важно прояснить как именно социальная жизнь обуславливает право, а, с другой стороны, какое воздействие право оказывает на общество. В то же время сегодня приходится признать, что общество (социальный мир) из самоочевидной данности, к которой классическая социология редуцировала все социальные явления и процессы для их объяснения, превратилось в «сущностно оспоримое» понятие. Само понятие общества – это изобретение XIX столетия, утверждает Б. Латур, и все социальные теоретики понимают, что «общество – это виртуальная реальность, *cosa mentale*, продукт гипостазирования, фикция»¹.

В чем так запутались социологи социального? – задает вопрос французский социолог. «Они используют это прилагательное для обозначения двух совершенно разных типов феноменов: один из этих типов — локальные, явные, неоснащенные динамичные взаимодействия лицом-к-лицу; а другой — некая особая сила, участием которой, как считается, можно объяснить, почему эти скоротечные взаимодействия лицом-к-лицу могут получить широкое распространение и быть продолжительными во времени. Хотя вполне обоснованно обозначать словом "социальное" повсеместный феномен межличностных отношений, это не дает никаких оснований для постулирования "социальной" силы, которая есть не что иное, как тавтология, жонглирование словами, магическое заклинание, поскольку не оставляет места вопросу, как и какими средствами это увеличение

¹ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. - М., 2014. - С. 226; 229.

длительности взаимодействия практически достигается. Прыжок от признания взаимодействий к существованию социальной силы, — я еще раз подчеркиваю, — это вывод, логически не вытекающий из посылки»¹. Таким образом, резюмирует Б. Латур, «социальное никогда ничего не объясняло; наоборот, оно само нуждается в объяснении», «присутствие социального должно каждый раз демонстрироваться заново; его никогда нельзя просто постулировать»².

Сегодня можно утверждать, что содержание социального мира определяется культурой, опосредующей знаковой формой все, что в социальном мире существует, выступающей механизмом существования социальности, механизмом воспроизведения социального мира. Социальный мир — это не люди, действия, предметы, а значения и смыслы, приписываемые людям, действиям и предметам³.

Как утверждал Р. Уильямс, культура — это система значений, которыми воспроизводится социальный порядок, а Т. Иглтон определяет культуру как «конструктивную часть всех социальных процессов». Этот подход вполне уместно распространить на понятие «правовая культура». В таком случае правовая культура — это механизм воспроизводства правовой реальности. Его конститутивными аспектами являются «юридическое означивание» и воспроизводство юридических значений в практиках.

Таким образом, можно констатировать, что культура как своеобразная сфера постиндустриального общества сегодня выходит на первый план: именно она интериоризирует внешние природные и социальные явления в мотивацию человека и тем самым обуславливает социальные практики⁴.

¹ Там же. - С. 93.

² Там же. - С. 77; 136.

³ Если придерживаться позиции позднего Л. Витгенштейна, то значение — это использование знака в языковых играх — практиках, а смысл — это индивидуальная интерпретация значения в конкретной ситуации.

⁴ В этой связи обвинения в адрес сторонников постклассической методологии в «субъективном идеализме», в игнорировании объективных социальных явлений, порождающих право (см.: Сырых В.М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. № 1. 2016. С. 8; Мартышин О.В. Философия права: учебник для магистров. М., 2016. С. 30-32) свидетельствует о «несоизмеримости парадигм». Поборники классического науковедения до сих пор

Поэтому не случайно обращение к культуре для объяснения перемен, происходящих в современном социуме. Все изменения, происходящие в мире и наблюдаемые (фиксируемые) эмпирически, сопровождаются сменой ценностей, ценностных ориентиров и установок. Очень важно то, что смена ценностей «сопровождает» все иные «общественные отношения». Не существует экономики вне системы ее означивания, социальных представлений, мотиваций и т.д. Не может произойти какое-либо изменение в политике, например, не затрагивая «сферу» культуры. Представить что-либо в социальном мире как «материальное» - значит подвергнуть его грубой объективации, реифицировать до положения «объекта». Такой подход был свойствен классическому науковедению. Однако он не позволяет эксплицировать механизм порождения и воспроизводства социального объекта, т.е. его динамической характеристики. Новая онтология социальной реальности исходит из «человекоразмерности» всех общественных феноменов¹, их сконструированности, знаковой опосредованности, воспроизводстве в практиках, intersубъективности, относительности, взаимообусловленности или диалогизма². Механизм конструирования,

верят в побасенки о том, что законы мироздания действуют с непреложной необходимостью, «сами собой», автоматически, в том числе, в социальном мире и психике отдельного человек. Постклассическая методология не отрицает важность «внешних» явлений. Однако они – конкретные «материальные» обстоятельства жизни, задающие пространственно-временной контекст социальности, – «действуют» через их интериоризацию в практики (поведенческие и ментальные) людей. Да, немецкая классическая философия (на которой, как правило, завершался курс философии в советское время) «не подвергала сомнению единственность, всеобщность, если не объективность, то трансцендентальность пространства и времени. Для Канта пространство и время – это априорные формы чувственного созерцания, гносеологические инварианты, конкретной реализацией которых в наличном познавательном акте Кант просто не интересуется... Для Ньютона пространство и время объективны, для Канта они – трансцендентальные категории, хотя и априорные, но актуализирующиеся лишь в сфере опыта». Однако уже в начале XX А. Эйнштейн совершил переворот в пространственно-временных представлениях: «он соединил пространство и время с конкретным, осуществляющимся в данной точке бытия, актом познания. Во взгляде на пространство и время Эйнштейн произвел то же самое, что Кьеркегор в философии вообще – абсолютизировал право конкретного опыта, конкретного наблюдателя. Именно в признании за верховную ценность конкретной бытийственной точки – мировоззренческая близость к Эйнштейну и Бахтина: недаром ключевая категория Эйнштейна «время-пространство» стала рабочей бахтинской формулой («Формы времени и хронотопа в романе»)». . . Основное философское следствие специальной теории относительности – это *отмена абсолютных времени и пространства*. Время течет по-разному в различных системах отсчета, говоря иначе – для разных наблюдателей». - Боневская Н.К. Мировоззрение М. Бахтина и теория относительности // Боневская Н.К. Бахтин глазами метафизика. М., СПб., 2016. С. 460-461.

¹ В (пост)современной лингвистике возникает новое направление, именуемое «антропологической лингвистикой, наукой о языке, в центре которой находится человек, творящий и интерпретирующий смыслы». - Карасик В.И. Языковое проявление личности. - М., 2015. - С. 4.

² Диалогичность, полагает В.И. Карасик, - главный принцип коммуникации. – Там же.

знаковой опосредованности, воспроизводстве практиками, задающий «человекоразмерность» социального мира, является содержанием постклассической программы культурального измерения социальности и, тем самым, права.

Культура выступает основанием права. С этим утверждением вряд ли кто-либо будет спорить (кроме, разве что, самых рьяных позитивистов, хотя Г. Харт скорее соглашался с этим утверждением). Однако, что считать основанием права и как, в каком смысле культура обосновывает правовую реальность – вопрос открытый и совсем не праздный. Если культура – это знаковость, опосредующая психическую и поведенческую активность человека (собственно, это и образует содержание «человеческого» как социального), то правовая культура представляет собой юридическое означивание и осмысление социального мира или точнее – перевод некоторых социальных явлений и процессов в разряд юридически значимых и их воспроизводство практиками людей. Таким образом, правовая культура, с моей точки зрения, - это механизм воспроизводства правовой реальности, содержание которого выступает конструирования юридических значений и смыслов и их воспроизводство ментальными (психическими) и поведенческими практикам. Такой подход не отрицает, а дополняет «функционалистский», которому следовал Г.В. Мальцев. «Уровень культуры, - писал он, - отражает меру воспроизводимости факторов порядка в противовес хаотическому состоянию общественной жизни. Культура не обязательно там, где люди вкусно едят, красиво одеваются, предаются соблазнам, имеют роскошное жилище, а также средства избавления от житейского однообразия и скуки. Она не в пестроте и изобилии, а в возрастающем опыте человеческого единения и солидарности, стремлении людей нормативно и организационно поддерживать жизненные установки, позволяющие каждому из них прожить жизнь со смыслом, оставить после

себя мир следующим поколениям хотя бы в частично улучшенном виде»¹. Полностью соглашаясь с тем, что культура призвана обеспечивать преодоление хаоса, а правовая культура – девиации, полагаю, что принципиально важно выяснение того, как именно культура (и правовая культура, в частности) это делает. Именно этим вопросом озабочена постклассическая методология в социальных науках (и юриспруденции) после «культурального поворота» вт. пол. XX в.

В связи с этими методологическими посылками можно утверждать, что **социальность интериоризируется в право через правовую культуру - механизмы означивания и осмысление некоторых социальных явлений как юридических, а право участвует в процессе конструирования и воспроизводства социальности.** Кто и как задает значения и смыслы социальных ситуаций и процессов, наделяет правовым содержанием социальные явления и статусы? Как именно воспроизводится правовое значение? Как мыслят и действуют люди в этих – юридически значимых – ситуациях? Ответ на эти вопросы пытается найти и предложить постклассическая культуральная методология юриспруденции.

С точки зрения культуральной юриспруденции, не существует содержательно универсальных², «объективных» оснований для правовой инновации. Нет и не может быть универсального и содержательного определения «вреда» или «опасности», так как каждое действие, явление или процесс может быть интерпретировано как «положительное», так и «отрицательное», как «полезное», так и «вредное». Поэтому степень «полезности» или «вредности» как «допустимая» или нет (т.е. противоправная) сегодня определяется властью – элитой и референтной группой или, точнее, - в борьбе элит и референтных групп. Правовая политика, перефразируя П. Бурдье, – это борьба социальных групп за право официальной номинации, категоризации, классификации и квалификации

¹ Мальцев Г.В Культурные традиции права: монография. М., 2013. С. 6.

² Универсальность может быть только формально-абстрактной, наполняемой конкретным содержанием, определенным историческим и социокультурным контекстом.

некоторых социальных явлений как юридически значимых. В демократическом обществе элиты всегда действуют с оглядкой на население, общественное мнение, которое, по большому счету, элитами и референтными группами конструируется и манипулируется.

Полагаю, что в эпоху постсовременности разработка культуральной методологии права, ориентированной на прояснение механизма социокультурной обусловленности права и правового воздействия на общество – принципиально важная задача постклассической юридической науки и философии права. Только с ее помощью «столкновение цивилизаций» может быть трансформировано в диалог культур.